

Иенсен Вильгельм

Градива

**Фантастическое приключение в
Помпее**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В46

В46 **Вильгельм И.**
Градива: Фантастическое приключение в Помпее / Иенсен Вильгельм – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 178 с.

ISBN 978-5-519-86817-4

ISBN 978-5-519-86817-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

какогонибудь патриціанскаго эдила, служившаго культу Цереры, и шла въ храмъ богини.

Но что-то мѣшало молодому археологу представить ее себѣ въ рамкахъ большого, шумнаго города—Рима. Ея спокойная, тихая манера не соответствовала, по его мнѣнію, пестрой сутолокѣ, гдѣ люди не обращаютъ вниманія другъ на друга; скорѣе подходила она къ обстановкѣ маленькаго городка, гдѣ всякій встрѣчный зналъ ее и, остановившись и глядя ей вслѣдъ, говорилъ своему спутнику: „Это—Градива“... Норбертъ никакъ не могъ замѣнить эго прозвище настоящимъ именемъ „дочь“. „Ея походка красивѣе, чѣмъ у всѣхъ дѣвушекъ нашего города“...

Какъ будто онъ, дѣйствительно, слышалъ эти рѣчи,—такъ прочно засѣли онѣ ему въ голову. Затѣмъ у него сложилась другая догадка, почти увѣренность. Во время своего италіанскаго путешествія онъ посвятилъ нѣсколько недѣль изученію древнихъ развалинъ Помпеи, и уже въ Германіи однажды пришла ему въ голову мысль, что женщина, изображенная на барельефѣ, проходитъ гдѣ то тамъ—въ этомъ древнемъ городѣ—по особымъ каменнымъ плитамъ, которыя давали возможность въ дождливую погоду переходить на другую сторону улицы, не мѣшая въ то же время проѣзду экипажей. И вотъ онъ видѣлъ, какъ одна нога ея уже перешагнула черезъ пролетъ между двумя плитами, а другая еще не оторвалась отъ земли, и когда онъ глядѣлъ на нее, шествующую,—въ его воображеніи возникала, какъ живая, вся окружающая ее обстановка. Дополняя картину своими познаніями по археологiи, онъ рисовалъ себѣ тянуціеся вдоль улицы, по бокамъ ея, два ряда домовъ, кое-гдѣ храмы, колоннады. Кругомъ кипѣла жизнь, шла бойкая торговля,—*tabernae officinae саnронае*,—лавочки, мастерскія, кабачки; булочники раскладывали свои хлѣбы, глиняные кувшины, укрѣпленные на мраморныхъ прилавкахъ, предла-

гали все необхо- е для хозяйства и кухни; на перекресткѣ
улицы сидѣла женщина съ корзинами и продавала зелень
и плоды; она очистила наполовину нѣсколько большихъ
гречихъ орѣховъ, чтобы соблазнить покупателя видомъ
свѣжаго и крупнаго плода. Куда ни обращался взоръ, всюду
были живыя краски, пестро размалеванныя стѣны, колонны
съ красными и желтыми капителями; все искрилось и ослѣ-
пительно сіяло въ полуденномъ солнцѣ. Дальше вглубь под-
нималась на высокомъ цоколѣ бѣлоснѣжная статуя, а за
нею вдали виднѣлась затуманенная дрожащей игрой раска-
леннаго воздуха гора Везувій, но не такая, какъ теперь—
конусообразная, коричневая, пустынная,—а покрытая до
самой расколотой крутой вершины изумрудной раститель-
ностью. По улицѣ двигалось мало людей, да и тѣ, по воз-
можности, искали тѣни—жаръ лѣтняго полудня обезсилилъ
обычно дѣловую жизнь. И среди всего этого разнообразія
шла по переходнымъ плитамъ Градива, спугнувъ съ нихъ
золотисто-зеленую ящерицу.

Какъ живая, стояла эта картина передъ глазами
Норберта Ганольда, но, когда онъ изо дня въ день раз-
матривалъ голову дѣвушки у него постепенно начало скла-
дываться новое представленіе. Ему все болѣе и болѣе ка-
залось, что черты ея не римскаго или латинскаго типа, а
скорѣе греческаго, и мало по малу онъ сталъ убѣждаться
въ ея эллинскомъ происхожденіи. Это происхожденіе можно
было объяснить тѣмъ фактомъ, что въ древности весь югъ
Италіи былъ заселенъ выходцами изъ Греціи; а отсюда вы-
текали уже дальнѣйшіе, пріятные для молодого археолога
выводы. Легко было предположить, что молодая „domina“ *)
говорила въ своей семьѣ по-гречески и воспитывалась въ
духѣ эллинизма. При болѣе внимательномъ изученіи эту

---

*) Госпожа.

догадку подтверждало также и выраж^{еніе} лица; за его неприязнательностью безспорно скрывалось^{то} что то умное и тонкое, одухотворенное.

Однако эти соображенія не могли оправдать дѣйствительнаго археологическаго интереса къ маленькой скульптурѣ, и Норбертъ сознавалъ, что его неудержимо влечетъ къ ней нѣчто другое, хотя несомнѣнно близкое его наукѣ. Онъ считалъ необходимымъ выяснить, изобразилъ ли художникъ картину движенія идущей Градивы соотвѣтственно дѣйствительности. Этого вопроса онъ не могъ разрѣшить, и его богатая коллекція снимковъ пластическихъ произведеній древности тоже не могла помочь ему въ этомъ. Ему казалось преувеличеннымъ почти отвѣсное положеніе правой ноги; при всѣхъ попыткахъ, произведенныхъ имъ на себѣ самомъ, никогда не получалось такого крутого наклона ноги, какъ у Градивы; формулируя свои наблюденія математически, онъ пришелъ къ заключенію, что его нога въ тотъ моментъ, когда она отрывается отъ земли, образуетъ половину прямого угла, и это казалось ему естественнымъ для механики хожденія, ибо было наиболѣе цѣлесообразнымъ. Однажды онъ задалъ этотъ вопросъ своему пріятелю, молодому анатому, зашедшему навѣстить его, но и тотъ не могъ дать рѣшительнаго отвѣта, такъ какъ онъ никогда не занимался наблюденіями въ этой области. Онъ признался, что его личный опытъ совпадаетъ съ опытомъ Ганольда; однако не могъ сказать, отличается ли женская походка отъ мужской; такъ вопросъ и остался нерѣшеннымъ.

Все же этотъ разговоръ не прошелъ безслѣдно; послѣ него Норберту Ганольду пришло въ голову разрѣшить интересующую его загадку посредствомъ наблюденій надъ самой жизнью. Правда, женщины были для него до сихъ поръ лишь отвлеченнымъ понятіемъ, воплощеннымъ въ мраморъ или бронзу, и онъ никогда не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго

вниманія. Но его жажда познанія пробудила въ немъ научное рвеніе, и онъ предался своеобразному изслѣдованію женской походки. Однако этому наблюденію, производящемуся въ сутолокѣ большого города, препятствовало многое, а потому результатовъ можно было ждать только отъ посѣщенія менѣе оживленныхъ улицъ. Да и здѣсь длинныя платья женщинъ часто лишали возможности опредѣлить ихъ походку, — короткія юбки встрѣчались, главнымъ образомъ, у служанокъ, а онъ, за немногими исключеніями, не годились для рѣшенія вопроса, уже потому, что носили грубую обувь. Все-таки онъ настойчиво продолжалъ свои наблюденія и въ сухую и въ дождливую погоду; онъ замѣтилъ, что въ послѣднемъ случаѣ скорѣе можно добиться успѣха, такъ какъ дамы вынуждены приподнимать платья. Несомнѣнно, многимъ изъ нихъ бросался въ глаза его пристальный взглядъ, устремленный на ихъ ноги; нерѣдко дама выражала свое недовольство, давая ему понять, что считаетъ его поведеніе дерзкимъ или безтактнымъ; по временамъ въ женскихъ глазахъ свѣтилось нѣчто противоположное, — вѣдь онъ былъ молодымъ человѣкомъ привлекательной наружности — нѣчто ободряющее; но онъ не понималъ ни того, ни другого. Въ концѣ концовъ ему удалось собрать значительное число разнообразныхъ наблюденій. Однѣ женщины шли медленно, другія быстро, однѣ тяжеловѣсно, другія легкой походкой. Нѣкоторыя лишь скользили подошвой по землѣ, и только немногія приподнимали ступню до болѣе изящнаго крутого уклона. И все-таки ни одна изъ нихъ не повторяла походки Градивы; итакъ, Норбертъ, очевидно, не ошибся въ своей археологической оцѣнкѣ барельефа. Но, съ другой стороны, эти наблюденія огорчили его, такъ какъ отвѣсное положеніе правой ноги казалось ему красивымъ, и онъ сожалѣлъ, что оно было созданіемъ фантазіи ваятеля и не отвѣчало дѣйствительности.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ пришелъ къ этому выводу, ему приснился страшный сонъ. Онъ увидѣлъ себя въ древней Помпеѣ, какъ разъ 24-го августа 79 года, въ день ужаснаго изверженія Везувія. Небо окутало обреченный городъ чернымъ плащомъ; лишь мѣстами можно было видѣть сквозь просвѣты какія то массы, залитыя кроваво-краснымъ свѣтомъ вырывающихся изъ кратера огненныхъ потоковъ; всѣ жители искали спасенія въ бѣгствѣ,—одни врозь, другіе сбившись въ кучи, обезумѣвъ, потерявъ самообладаніе отъ невѣдомаго ужаса. На Норберта сыпались шлаки и пепельный дождь; но, какъ это случается во снѣ, они не стѣсняли его дыханія. Когда онъ стоялъ такимъ образомъ на краю Форума у храма Юпитера, онъ вдругъ увидѣлъ недалеко отъ себя Градиву: до этой минуты ему даже въ голову не приходило, что она можетъ быть здѣсь, но теперь сразу показалось вполне естественнымъ, что она, помпеянка, живетъ въ своемъ родномъ городѣ въ одно время съ нимъ, хотя онъ этого и не подозрѣвалъ. Онъ узналъ ее съ перваго взгляда,—ея каменный портретъ оказался похожимъ на оригиналъ до послѣднихъ мелочей, точно также и ея походка; онъ невольно опредѣлилъ ее словомъ „*lente festinans*“ *). Такъ шла она спокойно-быстро по каменнымъ плитамъ Форума къ храму Аполлона съ характернымъ для нея безразличіемъ ко всему окружающему. Казалось, она даже не замѣчала разразившагося надъ городомъ бѣдствія и была поглощена своими мыслями; это заставило и его—правда, на нѣсколько минутъ—забыть страшную дѣйствительность. Чувствуя, что живой образъ ея быстро исчезнетъ, онъ старался возможно точнѣе запечатлѣть его. И вдругъ, какъ блескъ молніи, пронеслась въ головѣ мысль, что, если она сейчасъ же не спасется, она погибнетъ вмѣстѣ со всѣми, и крикъ ужаса

---

*) Медленно торопящаяся

сорвался изъ его устъ. Она услышала его: ея голова повернулась, передъ нимъ мелькнуло на мигъ ея недоумѣвающее лицо,—и опять тѣмъ же шагомъ продолжала она прежній путь. Только лицо ея стало еще блѣднѣе, словно она превращалась въ мраморъ; она дошла до самаго портика храма, тамъ сѣла между колоннами на ступень лѣстницы и медленно положила на нее голову. Теперь шлаки сыпались такъ густо, что образовали сплошную непроницаемую завѣсу, и Норбертъ потерялъ ее изъ виду. Бросившись въ ту сторону, гдѣ она исчезла, онъ увидѣлъ ее лежащей подъ выступомъ крыши. Неподвижно вытянувшись на широкой ступени, она не дышала, повидимому, задохнувшись отъ сѣрныхъ испареній. Красный свѣтъ Везувія озарялъ ея лицо, казавшееся благодаря опущеннымъ вѣкамъ, прекрасной скульптурой; оно не было искажено страхомъ, печать полного безразличія и спокойнаго примиренія съ неизбѣжнымъ лежала на немъ. Но скоро черты стали неясны, такъ какъ вѣтеръ, гнавшій теперь въ эту сторону пепельный дождь, покрылъ лежавшую какъ бы сѣрымъ флеромъ, погасилъ послѣдніе отблески свѣта на ея лицѣ и вскорѣ совсѣмъ укуталъ ее, какъ зимняя метель на сѣверѣ, ровнымъ покровомъ. Вокругъ нея стояли еще засыпанныя до половины колонны храма Аполлона, но и ихъ уже забрасывала сѣрая масса пепла.

Когда Норбертъ Ганольдъ проснулся, въ ухахъ у него все еще звучали смятенные крики жителей Помпеи, ищущихъ спасенія, и глухо рычащій прибой бушующаго моря. Но потомъ онъ пришелъ въ себя; апрѣльское утро глядѣло въ его комнату, бросая на постель снопы солнечнаго свѣта, съ улицы неся многоголосный шумъ большого города, крики продавцевъ и грохотъ экипажей. Но передъ раскрытыми глазами все еще стояло сновидѣніе,—яркое, во всѣхъ своихъ подробностяхъ,—и понадобилось довольно времени, чтобъ ос-

вободиться отъ мысли, что онъ дѣйствительно присутствовалъ въ памятную ночь при драмѣ, разыгравшейся 2000 лѣтъ тому назадъ въ неаполитанской бухтѣ. Только одѣваясь, постепенно отдѣлался онъ отъ этого чувства, но даже усиленіемъ критической мысли онъ не могъ освободиться отъ представленія, что Градива жила въ Помпеѣ и тамъ была засыпана вмѣстѣ съ другими въ 79 году. Первое изъ этихъ предположеній даже укрѣпилось въ немъ до безспорности, а къ нему присоединилось и второе. Съ чувствомъ грусти смотрѣлъ онъ на старый барельефъ, пріобрѣтшій теперь для него новое значеніе. Это былъ въ нѣкоторомъ родѣ надгробный памятникъ, въ которомъ художникъ сохранилъ для потомства портретъ женщины, такъ рано ушедшей изъ жизни. И когда онъ смотрѣлъ теперь на ея образъ, вкладывая въ него свое новое пониманіе, у него не оставалось уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ роковую ночь она, дѣйствительно, умерла такъ спокойно, какъ это показалось ему во снѣ. Старая поговорка утверждаетъ, что именно своихъ любимцевъ уносятъ боги съ земли въ годы цвѣтущей юности.

Не надѣвая воротничка, въ легкомъ домашнемъ костюмѣ, въ комнатныхъ туфляхъ, легъ Норбертъ на открытое окно и смотрѣлъ на улицу. Добравшаяся, наконецъ, и до сѣвера весна стояла на дворѣ, и хотя въ каменныхъ колодцахъ города о ней можно было судить только по голубому небу и мягкому воздуху, все же какое то томленіе волновало чувства, пробуждало тоску по солнечнымъ далямъ, по зеленой листвѣ, по аромату, по пѣнію птицъ; слабые отголоски весны доносились и сюда,—торговки на улицѣ украсили свои корзины пестрыми букетиками полевыхъ цвѣтовъ, а на открытомъ окнѣ громко заливалась запертая въ клѣтку канарейка. Норберту было жаль бѣдной птички; несмотря на ликующій тонъ, въ ея ясномъ пѣніи слышалась тоска по свободѣ, по далекимъ странамъ.

Но мысли молодого археолога лишь мелькомъ остановились на этой картинѣ, ибо ихъ поглотило теперь нѣчто иное. Только сейчасъ пришло ему въ голову, что онъ не обратилъ надлежащаго вниманія на то, дѣйствительно ли ожившая въ его снѣ Градива шла такой походкой, какъ ее изобразила скульптура, и какой современной женщины во всякомъ случаѣ не ходять. Это было тѣмъ болѣе странно, что его научный интересъ къ рельефу возбужденъ былъ какъ разъ этой походкой; но, понятно, что онъ могъ и не замѣтить ея, охваченный волненіемъ за жизнь дѣвушки, которой грозила такая опасность. И онъ тщетно старался теперь возстановить въ памяти ея походку.

Вдругъ онъ вздрогнулъ: въ первое мгновеніе онъ не могъ даже сообразить почему. Но потомъ онъ понялъ: внизу по улицѣ, спиною къ нему, шла легкимъ шагомъ женщина, по виду и одеждѣ, молодая дама. Лѣвой рукой она слегка приподнимала край платья, и ему показалось, что, когда она, во время ходьбы, на мгновеніе опирается на носокъ узкой ноги, ступня ея поднимается отвѣсно вверхъ. Но такъ какъ онъ смотрѣлъ сверху внизъ и ихъ раздѣляло большое разстояніе, онъ не могъ съ увѣренностью убѣдиться въ этомъ.

Мгновенно Норбертъ Ганольдъ очутился посреди улицы, не отдавая себѣ отчета, какъ онъ туда попалъ. Какъ мальчикъ, скользя по периламъ, спустился онъ съ быстротой молніи по лѣстницѣ, и пробрался среди экипажей, воевъ и людей. Окружающіе смотрѣли на него удивленными глазами, съ ихъ устъ срывались шутливые, полунасмѣшливые возгласы. Но онъ не понималъ, что они относятся къ нему, онъ искалъ взглядомъ молодую даму и ему казалось, что на разстояніи двухъ десятковъ шаговъ впереди онъ различаетъ ея платье, но только верхнюю часть,--нижней же половины и ногъ онъ совершенно не могъ разглядѣть, такъ

какъ ихъ закрывали отъ него толпящіеся на тротуарѣ люди. Въ это время какая то старая, добродушная торговка взяла его за рукавъ, придержала и спросила, слегка усмѣхаясь: „Скажите, сынокъ, навѣрно вы сегодня нсчью влили въ себя слишкомъ много жидкости, если ищите свою постель на улицѣ. Лучше сходите домой и полюбуйтесь на себя въ зеркало“. Смѣхъ окружающихъ подтвердилъ, что онъ одѣтъ неподходяще для публичнаго мѣста, и тутъ только онъ сообразилъ, до какой степени безсознательно выбѣжалъ изъ своей комнаты. Это его смутило, такъ какъ онъ считался съ внѣшними приличіями, и, отказавшись отъ своихъ намѣреній, онъ быстро вернулся домой. Но, видно, чувства его находились еще подъ властью сновидѣній и обманывали его ложными образами, ибо у него запечатлѣлся послѣдній моментъ, когда при смѣхѣ и крикахъ толпы, молодая дама на мгновеніе повернула голову, и ему показалось, что на него смотритъ не чужое лицо, а лицо Градивы.

Богатство доктора Норберта Ганольда дѣлало его неограниченнымъ господиномъ своихъ дѣлъ и поступковъ, и, когда у него возникало какое нибудь желаніе, онъ осуществлялъ его, считаясь только съ самимъ собой. Этимъ онъ отличался отъ канарейки, которая только въ пѣснѣ могла выразить свое врожденное стремленіе вырваться изъ клѣтки на солнечный просторъ,—да и это было безуспѣшно. Впрочемъ, въ остальномъ было много сходныхъ чертъ у молодого археолога съ этой птицей. Онъ тоже родился и воспитывался не какъ свободное существо; съ самаго рожденія онъ находился въ той клѣткѣ, которая создается семейной традиціей и воспитаніемъ и опредѣляетъ дальнѣйшую судьбу человѣка. Съ ранняго дѣтства въ домѣ родителей не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ, какъ единствен-

ный сынъ профессора университета и изслѣдователя древностей, призванъ поддерживать на томъ же поприщѣ блескъ фамильнаго имени, и даже усилить его; эту дѣятельность считалъ онъ издавна своей жизненной задачей. Онъ отдавался ей и тогда, когда, послѣ ранней смерти родителей, остался совершенно одинокимъ, прекрасно выдержалъ филологическій экзаменъ и совершилъ обычное научное путешествіе по Италіи, гдѣ увидѣлъ въ оригиналъ множество произведеній древней скульптуры, которыя были доступны ему до тѣхъ поръ только въ снимкахъ. Нигдѣ не могъ онъ встрѣтить болѣе поучительнаго матеріала, чѣмъ въ музеяхъ Флоренціи, Рима и Неаполя; онъ самъ сознавалъ, что пребываніе тамъ использовалъ лучшимъ образомъ для обогащенія своего спеціального образованія, и вернулся изъ путешествія съ новымъ запасомъ знаній, рѣшившись цѣликомъ отдаться своей наукѣ. Онъ только смутно ощущалъ, что кромѣ этихъ предметовъ далекаго прошлаго вокругъ него имѣется также настоящее. Для него мраморъ и бронза были не мертвой матеріей, а единственными живыми существами, — выразителями цѣлей и цѣнности человѣческой жизни. Такъ жилъ онъ между своихъ стѣнъ, книгъ и картинъ, не нуждаясь ни въ какихъ другихъ собесѣдникахъ, даже, по возможности, избѣгая всякаго общенія съ людьми, какъ пустой траты времени. Съ большой неохотой и изрѣдка поддерживалъ онъ, по необходимости, нѣкоторыя традиціонныя знакомства своихъ родителей. И всѣ знали, что, бывая въ обществѣ, онъ совершенно не замѣчаетъ того, что происходитъ вокругъ. Сейчасъ же послѣ обѣда или ужина при первой возможности, онъ откланивался и при встрѣчѣ на улицѣ даже не здоровался ни съ кѣмъ изъ тѣхъ лицъ, съ которыми сидѣлъ за столомъ. Это, конечно, мало располагало къ нему людей, особенно молодыхъ дамъ: если ему даже и случалось въ видѣ исключенія обмѣняться нѣсколь-